

Г. Шустер-Шевц

**ПРАВОМЕРНО ЛИ РАЗДЕЛЕНИЕ ПРАСЛАВ.
*KRINICA/*KRYNICA ‘КОЛОДЕЦ, ИСТОЧНИК’
И *KRIN(ICA), *KRYN(ЬКА) ‘СОСУД’?**

В своей монографии 1969 г. о славянской ремесленной терминологии¹ О.Н. Трубачев попытался доказать, что представленные в славянских языках названия для источника (*krinica/*krynica) и сосуда (*krin[ica], *kryny[ъka]) не являются тождественными, как это до тех пор преимущественно признавалось, а речь идет о двух различных этимонах, семантические поля которых должны рассматриваться раздельно. То же толкованиедается и в “Этимологическом словаре славянских языков”, который он редактировал: “Выдвигая для *krinica/*krъnica ‘родник, колодец’ особую этимологическую гипотезу – субстантивизацию с суф. -ica первоначального прич. прош. страд. *krъnъ/*krъnъ ‘выкопанный, вырытый’ [...], мы видим целесообразность раздельной лексикографической трактовки этих названий и названий сосудов с основой *krin-. Что касается этимологии этой последней (в *krina, *krinъ, *krinovъ, *krinica, *krinъka), то вряд ли окажется удовлетворительной однозначная атрибуция к и.е. *ker- ‘резать, вырезать’ (ср. Machek² 413: *okřín*) при поддержке констатации значений ‘долбленная деревянная посуда’ у некоторых слов этого гнезда” (ЭССЯ 12, 158).

Это утверждение не соответствует, по нашему мнению, настоящему положению дела и потому недостаточно обосновано. Гораздо убедительнее более старое, разделяемое большинством этимологов суждение, согласно которому обе группы восходят к одной и той же и.-е. основе *(s)krin- (Bergneker I, 617; Ślawski III, 199–201, с прочей литературой), хотя и здесь далеко не все вопросы решены однозначно. Это относится, прежде всего, к семантическим различиям, наряду также с этимологическим истолкованием самой основы слова, которая обычно приводится в связи с лат. *scrīnium* ‘круглый ящик, ларец’ (*‘круглый сосуд’) (Vasmer I, 664), что О.Н. Трубачев рассматривал как маловероятное, оставляя поэтому латинское слово в стороне (“По всей вероятности, лат. *scrīnium* как культурный термин лучше оставить в стороне” – ЭССЯ 12, 167), – толкование, которое должно быть аргументировано, но с которым нельзя согласиться.

В нашем “Историко-этимологическом словаре верхне- и нижнелужицкого языка” (Schuster-Šewc 700: в.-луж. *křinja*, н.-луж. *kšinja*) мы относим производящую корневую морфему *(s)krin- к и.-е. *(s)krī- ‘резать, разделять’ и определяем исходное значение как ‘выдолбленный деревянный сосуд’ (ср. подобное уже в Machek² 337:

okřín). Это толкование мы можем теперь расширить, так что следует исходить не из значения ‘резать, разделять’, а из ‘поворачивать, сгибать’² с конкретизацией ‘плести’, что ведет прямо к древней примитивной технике плетения, а это дает возможность восстановить для *(*s*)*kri-n*- в качестве исходного значение ‘сосуд, изготовленный из лыка, древесной коры и подобных материалов для плетения’. Элемент -*n*- в *(*s*)*krin*- – это древний корневой детерминатив, как в **kli-n*-, **kle-n*- и под. Старая семантика плетеного просматривается еще в целом ряде значений, зафиксированных для славянских лексем:ср. чеш. *křinka* ‘соломенное блюдо’ (сплетенное из соломы), рус. *кринка*, *кринка* диал. ‘горшок, обвитый берестой’, болг. *крина* ‘мера для зерна; сосуд из коры для сбора ягод’, с.-хорв. стар. *krina* ‘мера для зерна; сосуд с крышкой’, словен. *krinja* ‘кадка для муки’, уменыш. *krinjica*, диал. *krnica* (<*krinica*) ‘квашня; давильный чан’ и др.³ На значение ‘сплетенный сосуд’ указывают также славянские префиксальные образования типа чеш. *okřín* ‘миска, горшок; давильный чан’, н.-луж. *wokšin* (разгов. *hokšin*) ‘лохань, корыто’ и ст.-слав., др.-русск. *окринъ* ‘чаша’ < **o(b)-kriñъ*. О.Н. Трубачев также усматривает эту связь (“В них просматривается и органическое родство с семантикой плетения” – ЭССЯ 12, 158), однако не делает из этого необходимых выводов и полагает, что свидетельствующие о “керамическом (глиняном)” происхождении сосудов значения (ср. русск. *кринка* ‘горшок для молока’, укр. *криновка* ‘сковорода’, чеш. *křinka* ‘сосуд’, ст.-слав. *криница* ‘сосуд, кувшин’ и т.п.) являются первичными (“Керамические значения производных типа **kr-in*- явно более древни” – ЭССЯ 12, 158). Он относит **kr-* из **kr-in* как нулевую ступень к и.-е. основе **ker-* ‘резать, вырезать’ и указывает на якобы родственные **černъ* ‘род очага, кузнечный горн’, **čerpъ* ‘глиняный сосуд’ и **po-krqtъ* ‘сосуд’ (“тоже название сосуда”), которые, по нашему мнению, должны быть оставлены отдельно. Напротив, о прямой связи с и.-е. основой *(*s*)*kri-* ‘поворачивать, плести’, содержащейся в праслав. **krin*- ‘плетеный сосуд’, свидетельствуют в.-луж. *křida* ‘сито’, н.-луж. *kſida* то же (праславянский диалектизм лужицких языков) < **krida* (форма без *s-mobile*), только в этом случае вместо -*n*- выступает -*d*- детерминатив (**kri-d*-). Сито также было первоначально родом решетки, плетеной из лыка или полосок коры, использовавшейся для отделения более крупных частиц. Ю. Покорный относит это слово к и.-е. **skrē(ē)i-* ‘резать, отделять’ и tolкует как ‘разделение при помощи сита крупного и мелкого’ (Рокоту I, 945). По нашему мнению, к тому же и.-е. гнезду *(*s*)*kri-d*- с основным значением ‘поворачивать, плести’ принадлежит также славянское обозначение крыла **kridlo*, только с дополнительным словообразовательным суффиксом -*l*- (а не *-*dl*-, как по преимуществу – и ошибочно – считается). Следует исходить из мотивации ‘совершать

колебательные, круговые (вращательные) движения', ср. лит. *skrindù*, *skr̄sti* 'лететь, кружиться', *skridinēti* 'кружиться (о птицах)' (Pokorný I, 937).

В связи со сказанным совершенно необоснованным является предпринятый О.Н. Трубачевым⁴, как и В. Махеком (Machek¹ 449), отрыв славянских форм с начальными *sk-* типа *skrin'a* (ср. укр. *скриня* 'ящик, сундук, ларец', польск. *skrzynia* то же, польск. *skrzynów* 'круглый деревянный сосуд, миска', чеш. *skřín*, ст.-чеш. *škřině* 'предмет домашнего обихода вроде ларя' и т.п.) и их возведение к др.-в.-нем. *scr̄ni* 'сундук' ('Несомненно влияние в отдельных случаях формы *skrin'a*, заимствованной из др.-в.-нем. *scr̄ni* 'сундук' и получившей почти общеславянское распространение'⁵). Древневерхненемецкое слово, как и лежащее в его основе лат. *scr̄nium* 'цилиндрический корпус, (церковный) ларец', – только родственны со славянскими формами! И упоминаемое О.Н. Трубачевым в той же связи в.-луж. *křinja* '(расписной) ларь, сундук', н.-луж. *kśinja* не должно восходить к более древнему **skriňa*, а может отражать вариант с началом без *s-mobile* (**krin-*). В обоих случаях (**krin-* и **skrin-*) представлены тождественные славянские формы, которые, как уже было подчеркнуто, обе восходят к праслав. *(*s*)*kri-n-* со значением 'поворачивать, плести' > 'плетеный из лыка, древесной коры и т.п. или витой сосуд', причем, однако, позднее, в отдельных славянских языках и диалектах произошли семантическая специализация и переносы названия, и порожденное новой производственной техникой вторичное значение 'изготовленные из дерева или глины сосуды или ящики' все больше выступает на первый план.

Вернемся, однако, к вышеупомянутой основе *(*s*)*kri-n-*, которая, как уже было сказано, в суффиксальном производном **krinica*/**krynic-a* в славянских языках значит также 'источник'. Речь идет при этом об общеславянском названии, которое, вопреки внушению О.Н. Трубачева, не ограничено прежде всего украинским языком и, соответственно, юго-западной частью восточно-славянских языков ('Можно ставить вопрос о почти исключительно украинском ареале [или, точнее, об ареале, охватывающем первоначально только юго-запад восточнославянской территории] форм, действительно связанных с укр. *криницा*')⁶. Упомянутое укр. *криницा* (диал. также *кирница*, *керница*) не может поэтому возводиться к предполагаемому им гипотетическому **kъrнtъ*/**kъrнtъ* (якобы первоначально форме пассивного причастия от незасвидетельствованного глагола) с корнем и.-е. **kr-/*ker-* 'рыть, копать', причем в качестве мотивации принимается 'вырытое' (> 'колодец, источник'). И нет никакого родства с праславянским обозначением крота **krъtъ* (рус. *крот*, польск. *kret*). Несколько, наконец, почему два украинские диалектизма *кирница*, *керница* должны быть доказательствами ограничения территории

слова украинским языком и смежными юго-западными диалектами русского языка, тогда как перестановка *-ru-* > *-ur-*, *-er-* является однозначно специфическим украинским диалектным процессом, ср. укр. диал. *кирвавий*, *кервавий* < *крайвавий*.

Отрыву лексемы **krinica* ‘колодец, источник’ от других славянских слов с той же основой противоречит не только чисто гипотетический характер реконструкции, но и достоверно общеславянское распространение слова, ср. польск. стар. *krzynica*, соврем. *krynička* ‘источник’, полаб. *krēnīča* то же, словен. *krnica* (< *krinica*) ‘глубокое место в воде, водоворот’, рус. диал. *криница* ‘источник, колодец, огороженный ключ, бьющая ключом вода; неглубокая впадина, где собирается грунтовая вода; колодец на водоносной жиле, в которую установлена емкость (chan, бочка)’, сюда же топонимические данные: кашуб. *Skřinka* ‘название озерка’ (в Подъяздах, округ Картузы – *Sychta V*, 64), чеш. *Křinec* и *Křinice* местн. названия⁷, ст.-луж. *Krienitz* – местное название в округе Баутцена (1528 *Krynnietz*, 1672 *Krünitz*, 1721 *Crönitz*), соврем. в.-луж. *Króńca*, *Crinitz*, в округе Лукау (1295 *Krinitz*), *Kreinitz*, сев.-вост. Штрела (1298 *Crinitz*, 1310 *Crinicz*, 1460 *Krynitza*). Старолужицкая и старополабская топонимия предстаивают также данные без суф. *-ica*: ср. *Kreina*, юго-вост. Ошатц (1334 *Cryne*, 1378 *Kryne*, *Cryne*), *Krina*, у Грефенхейнихен (1531 *Kryna*, *Krina*)⁸, полаб. *Krien*, округ Анклам (1253 *Krina*), *Krien*, округ Штолп (1266 *Crin*)⁹.

Колодец также был первоначально источником, ключом, огороженным плетнем или деревянным обрамлением и поэтому это слово может семантически бесспорно включаться в ряд славянских лексем со значением ‘сосуд, емкость’, восходящих к **(s)krin-*. Ср. подобную мотивацию (обрамленный деревянными досками) в праслав. **käldežь* (рус. *колодец*).

Требует объяснения представленный наряду со **(s)krin-* вариант **(s)krypn-*, с у(< ѹ), ср. др.-рус. *крыня*, *крыница* ‘колодец, источник’, рус. диал. *крынка*, *крыночка* ‘небольшой горшок с узким горлом для молока’, ‘горшок, оплетенный берестой’, блр. *крыніца* ‘источник, колодец’, *скрыня* ‘сундук, ларь’, а также с детерминативом *-d-* и отличным значением рус., блр. *скрыль* ‘щепка, стружка, ломоть хлеба’ < **skrydlъ*, как рус. *крыло* (птицы или здания), диал. также ‘крыльцо; отвал плуга’ (ср. с *-i-* в.-луж. *křidlica* ‘отвал плуга’, н.-луж. *kšidlo*, диал. *kšilo* то же) и укр. *крило* ‘крыло’ (здесь у может, однако, восходить к **i*) < **(s)kryd-l-*. Тот же параллелизм *i* и *у* встречается и в области топонимии, ср., например, **у* в *Krynnietz*, *Crinitz*, *Krünitz* и **i* в ср.-нем. *Kreinitz*, *Krein* (*ei = i*), н.-нем. *Crin*, *Krien* (*ie, i = i*).

Славянские формы с у-вокализмом представляют собою, вероятно, древний, восходящий еще к индоевропейскому языку абрау-

ный вариант с *ū- вокализмом (Schuster-Šewc 701; Pokorný I 947: *(s)kreu-). И в этом случае также нет существенного разделения значений ‘резать, отрывать (отщеплять)’ и ‘плести’. Это один из случаев древнего, относящегося еще к индоевропейскому языку отклонения корневого вокализма, а никак не позднее развитие в отдельных языках, как считает Фасмер (Vasmer I, 664), который исходит из влияния со стороны рус. *крыть*.

Примечания

¹ См.: Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, 221–227 (Далее – Трубачев. Ремесл.).

² Оба значения очень близки друг к другу, см. (Pokorný I, 935–936).

³ В настоящей статье можно отказаться от перечисления всех известных примеров. См. материалы этимологических словарей отдельных славянских языков.

⁴ Ср.: Трубачев. Ремесл. 222.

⁵ Там же.

⁶ Там же, 224.

⁷ Profous A. Mistní jména v Čechách. D. II. Praha, 1949, 399.

⁸ Eichler E. Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neise. Bd. 2 (K – M). Bautzen, 1987, здесь же другие материалы.

⁹ Trautmann R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Bd. 2. Berlin, 1949, 14.

Перевела с немецкого Ж.Ж. Варбот

Д.И. Эдельман

ЕЩЕ РАЗ О КАВКАЗСКОМ НАЗВАНИИ ПЛУГА*

В статье А. Лома “К этимологии кавказского названия плуга”¹ автор опирается на сведения, которые приводит В.И. Абаев в своем “Историко-этимологическом словаре осетинского языка”, в статье *gütən | goton* ‘плуг’ (Абаев I, 527), а именно на названия (сохраняю здесь транскрипцию В.И. Абаева): арм. *gutan*, курд. *kotan*, азерб. *kotan*, груз. *gutani*, абхаз. *a-k'atàn*, авар. *kutan*, удин. *kotan*, дарг. *gutan*, вейнах. *gwota*, балкар. *gotan*. В.И. Абаев трактует их в качестве примеров общекавказского слова неизвестного происхождения, отмечая при этом, что данные слова обозначают “особое, более усовершенствованное или тяжелое орудие пахоты, в отличие от обычной

* Статья подготовлена в рамках финансируемого РГНФ проекта № 02-04-00071а.